Курленя К. М., Лесовиченко А. М.
K. M. Kurlenya, A. M. Lesovichenko

**ИСКУССТВО, КОЩУНСТВО И ПОИСКИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ:
НОВОСИБИРСКИЙ ОПЫТ 2015 ГОДА**

**ART, BLASPHEMY AND SEARCH OF PUBLIC CONSENSUS:
NOVOSIBIRSK EXPERIENCE, 2015**

Курленя Константин Михайлович – доктор искусствоведения, профессор, ректор Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки. E-mail: kurlenya78@mail.ru.

Mr. Konstantin M. Kurlenya – Doctor of Arts, Professor, Rector of Novosibirsk State Academy of Music named after M. I. Glinka. E-mail: kurlenya78@mail.ru.

Лесовиченко Андрей Михайлович – доктор культурологии, доцент, профессор Сибирского государственного университета путей сообщения. E-mail: lesovichenko@mail.ru.

Mr. Andrei M. Lesovichenko – Doctor of Culture studies, associate professor, professor, Siberian State Transport University. E-mail: lesovichenko@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена изучению отношения новосибирцев к кощунству за пределами культовых учреждений в связи с событиями, вызванными богохульной постановкой оперы «Тангейзер» в местном оперном театре. Обозначена органическая сопряжённость веры и искусства, свёрнутая в самом понятии «кощунство» на этимологическом уровне. Выявляется закономерность реакции верующих, обусловленной неотрывностью отношения к кощунству в сфере культуры от собственно церковной жизни. Приводятся данные опроса (апрель 2015 года) на тему отношения к кощунству среди студентов Сибирского государственного университета путей сообщения, которые свидетельствуют о неприятии такого отношения к священным предметам. Проводится сравнение с данными всероссийского опроса на ту же тему, проведённого ВЦИОМ, который тоже продемонстрировал неприемлемость кощунственных акций у половины респондентов.

Summary. The article is devoted to studying the Novosibirsk citizens' attitude to blasphemy outside the religious institutions in connection with the events caused by the blasphemous staging of the opera "Tannhauser" at the local opera house. It indicates the organic congruence of faith and art, hidden in the concept of "blasphemy" on the etymological level. The regularities of believers' reaction caused by inseparable links between the cultural sphere and the Church on the subject of blasphemy are covered. We give the survey data (done in April 2015) on the topic related to blasphemy among students of Siberian State Transport University, which indicate the rejection of treating the sacred objects in the specific way. A comparison with the data of a national survey on the same topic conducted by VCIOM, which also demonstrated the unacceptability of blasphemy shared by half of the respondents, is focused on.

Ключевые слова: опера, митинг, «война буффонов», Р. Вагнер, 10 Заповедей Моисея, верующие, мораль, бездуховность, вседозволенность.

Keywords: opera, rally, "war of buffoons", R. Wagner, 10 Commandments of Moses, the faithful, ethics, soullessness, permissiveness.

УДК 13

Весь 2015 год прошёл в Новосибирске под знаком событий, случившихся вокруг кощунственной постановки «Тангейзер» в оперном театре (см. прим. 1) [1; 2]. Аналогичные события в городе были и раньше. Достаточно вспомнить скандальную выставку «Родина», неосуществлённые гастроли М. Мэнсона и группы «Бегемот» (не допущены молодыми православными активистами), наконец, наше доморощенное, с позволения сказать, творчество. Сейчас, когда сами события отошли в прошлое, когда о них написано и сказано, пожалуй, даже слишком многое, имеет

смысл заново обдумать произошедшее и сделать соответствующие выводы, ведь конфликт не исчерпан, страсти тлеют, а попытки вновь обострить ситуацию вовсе не отброшены.

Начнём с того, что степень общественного напряжения вокруг оперы «Тангейзер» в постановке Новосибирского академического театра оперы и балета была невиданная. Никогда в истории музыки не собирался многотысячный митинг по поводу оперного спектакля (см. прим. 2). Чем-то новосибирские события отдаленно напоминают «войну буффонов» в Париже в середине XVIII века. Там тоже обсуждалось содержание спектаклей итальянской труппы, представлявшей комическую оперу. Буффоны были изгнаны из Парижа за кошунство. Только на площадь в тот раз никто не выходил. Это была журнальная полемика. Справедливости ради надо упомянуть ещё о митингах против исполнения музыки Р. Вагнера в Израиле в 70-е годы XX века, когда сочинения композитора рассматривались как звуковой символ фашизма, но там события разворачивались вокруг симфонических концертов. У нас же всплеск эмоций произошел по поводу осквернения христианских образов именно в оперном спектакле.

Кошунство здесь было выражено в буквальном, не завуалированном виде. Тем более закономерно, что кошунственность спектакля никто даже не оспаривал. Вопрос был о том, как глубоко оно может заходить в пространство художественного произведения и как далеко простирается свобода режиссера в деле осквернения святынь и нравственных ценностей, лежащих в основе европейской и отечественно культуры.

Столкнулись две наиболее влиятельные идейные установки нашего современного общества: охранительный традиционализм и либеральная вседозволенность. Действительно, конфликт мгновенно перешел к принципиальным нравственным проблемам. Ведь людям, вышедшим протестовать на площадь, личная позиция режиссера вряд ли была интересна. Массовый протест вызвал именно акт кошунства, как, в прочем, и оппонентам православной общественности важнее было заявить свое требование свободной трансляции кошунственных суждений как таковых. Это легко подтверждается тем общеизвестным фактом, что из всей массы протестующих, представляющих два противоположных лагеря, спектакль видели единицы. Поэтому обсуждалась, строго говоря, не «версия Кулябина», а именно принципиальное отношение к общим нравственным и культурным ценностям, унаследованным всеми нами независимо от взглядов и убеждений.

Слово «кошунство» происходит, как известно, от слова «кошун». М. Фасмер объясняет его как «насмешник, богохульник» [3, 362]. Б. А. Рыбаков говорит, что «жрецы-кудесники, волхвы... были, по всей вероятности, хранителями древних «кошун», сказителями далёких мифов». Слово «кошун» «соответствовало словесному исполнению мифа» [4, 528]. Можно предположить, что «кошунство» стало синонимом богохульства и святотатства от того, что языческие «кошунуны» увязывались сказителями и волхвами с глумлениями над новой для Руси христианской верой в период её утверждения. Важно, что издевательства эти с самого начала осуществлялось именно в художественном пространстве фольклорной культуры, что не удивительно, поскольку заявить о неприятии христианских ценностей в другой форме возможностей не было ввиду отсутствия таковых в укладе средневекового социума. Кроме того, утверждение христианства на Руси шло, как известно, «сверху» при полной поддержке государственных институтов. Естественно, с «оппозицией» на местах никто не советовался.

После того как христианство было принято русским народом, когда откровения этой религии были положены в основу национального единения и государственного строительства, вера приобрела качество соборности и превратилось в важнейшую, тщательно оберегаемую духовную ценность. Поэтому кошунство, глумливое неприятие христианских святынь в дальнейшем преодолевались благочестивыми христианами в практике духовного отторжения святотатственных нападок, от кого бы они ни исходили.

В сущности, с тех пор ничего не изменилось. Сейчас ставить вопрос о праве на святотатство за пределами культовых учреждений так же неуместно, как требовать от древних русичей терпимости по отношению к волхвам, когда они издевались над христианскими святынями не в помещении церкви. То, что подобные действия недопустимы в любом пространстве, представляется очевидным, а когда об этом забывают, приходит конец общественному согласию и взаимной

толерантности. Так происходит везде и во все времена (см. прим. 3). Вот и в данном случае резкая реакция со стороны верующих вполне закономерна и предсказуема.

Конечно, мораль постоянно эволюционирует, поэтому границы дозволенного и то, что должно относиться к неприемлемому кощунству, подвижны и изменчивы. Упомянутая «война буфонов» окончилась изгнанием артистов из Парижа. Причиной было кощунство по отношению к священному институту брака. Вряд ли кому-нибудь в наше время придёт в голову запрещать по такой причине оперы В. А. Моцарта «Свадьба Фигаро» или Дж. Россини «Севильский цирюльник», хотя сюжеты там, пожалуй, даже более вольные, чем в опере Дж. Перголези «Служанка-госпожа», поставленной буффонами.

Гораздо спокойнее современное общество относится и к непочтительности к христианским символам. Никто не запрещает роман Л. Н. Толстого «Воскресение», где отчётливо выражено уничижительное отношение автора к церковным таинствам. Никто не снимает с показа фильм «Броненосец Потёмкин» С. М. Эйзенштейна за то, что там есть кадры, в которых наперсный крест закреплён, как топор на плахе.

Но когда дело доходит до выворачивания смысла самого вероучения, богохульства непосредственно по отношению к образу Спасителя – терпеть уже невозможно. Такое деяние запрещается самим Священным Писанием, в частности, Третьей Заповедью Моисея: «Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» [5, Исх., 20:7]. Приведём известное пояснение Святителя Иоанна Златоуста по этому вопросу: «Если ты услышишь, что кто-нибудь на распутье или на площади хулит Бога, подойди, сделай ему внушение. И если нужно будет ударить его, не отказываясь, ударь его по лицу, сокруши уста, освяти руку твою ударом; и если обвинят тебя, повлекут в суд, иди» [6, 24-25].

В наши дни, по сравнению с первыми веками христианства Руси, стало больше конфликтующих мировоззрений, стало быть, и поводов для богохульства стало больше. Если тысячу лет назад речь шла преимущественно о межрелигиозных отношениях, о взаимоотношениях религиозной и государственной власти (не потерявших актуальности и сейчас), в меньшей степени о праве на личную свободу и критику религиозного мировоззрения и жизненного уклада, освященного христианским учением, то в последующие века добавились богохульство на атеистической платформе и особенно актуальное в наше время святотатство как выражение либеральной вседозволенности.

Если первые четыре причины появления кощунственных выпадов обусловлены серьезной идейной мотивацией, то в последнем случае наиболее влиятельные мотивы – невежество в сочетании с абсолютной убежденностью в праве совершать любые деяния, не задумываясь о последствиях. Можно предположить также столь всеобъемлющее отвращение индивида от нравственных ценностей общества, коренящихся в христианской морали, что единственным моральным кредо такого субъекта оказывается известное «Бог умер, значит, все дозволено»! Другими словами, находятся люди, все чаще бросающие обществу вызов на основе своей непоколебимой уверенности, будто нравственно все, что им хочется совершить. И ладно бы об индивидуальной и непримиримой богоборческой позиции заявляли одни лишь наши доморожденные поборники свободы творчества. С ними солидаризуются разного рода активисты, невежество которых, обусловленное десятилетиями атеистического образования, эгоизм и самовлюбленность идут рука об руку с личным страхом, подчас даже не скрываемым, страхом экзистенциальным «а что если воздаяние все же неотвратимо, пусть и самым непостижимым образом»? Но критики поют дифирамбы, единомышленники рукоплещут, популярность растет, хотя бы и ценой скандалов. И нет в такой картине мира добра и зла, а все замещает своеволие... Хуже другое: таких вот имморалистов, гордо объявивших себя стоящими «по ту сторону добра и зла», всё больше возникает и в политике. И множатся по всему миру конфликты, войны «без правил», теракты, а вместе с ними выковывается человеконенавистническая мораль, носители которой сплошь мнят себя вершителями судеб, полностью узурпировавшими право карать и миловать.

В общем-то, такие риски общественного развития, «смутные времена», «темные века» не раз бывали в истории человеческих цивилизаций. Спаситель на кресте молился о прощении неве-

дающих, что творят [5, Лк., 23:34]. А по поводу самоуверенности в праве на любые деяния сообщает Ветхий Завет: «Царь Озия вошёл в Храм, чтобы воскурить фимиам на алтаре кадильном. Священники воспротивились, но Озия не прекратил каждение. Проказа появилась на челе его, пред лицом священников, в доме господнем, у алтаря кадильного» [5, Пар. 2, 26:19].

История культуры позволяет констатировать кощунства и со стороны людей, воспитанных в христианском добродетелии. Вспомним, например, средневековые «дурацкие мессы», «ослиные обедни» вагантов, которые строились на пародировании священнослужения. Однако они большей частью не выходили за пределы светской городской и студенческой среды и формировали так называемую карнавальную традицию, место и время которой в жизни общества были строго регламентированы. А участники подобных карнавальных действий никогда не противопоставляли себя христианству, оставаясь людьми верующими, воцерковленными, разделяющими общепринятые понятия добра и зла.

Новое у наших либералов, пожалуй, то, что кощунства совершаются зачастую вообще без всякой цели. Но не всегда в этом усматривается банальная апология пошлости и, увы, присущее многим представителям рода людского низменное желание позубоскалить, собрав как можно больше зрителей, выставив своё похабство в интернет. Скорее, за этими проявлениями кощунства кроется пока еще слабо исследованный феномен человека «духless» (см. прим. 4), феномен столь всеобъемлющей бездуховности, что речь уже не о борьбе христианских и антихристианских идеалов, гуманистических и антигуманистических ценностей. Речь идет о смерти духа как таковой, а вместе с ней и об упразднении морали, ценности жизни, что знаменует тотальную осыпь всего людского жизнеустройства.

Однако вернемся к новосибирской ситуации 2015 года. Как на самом деле относятся жители города к вопросу о допустимости кощунства, учитывая, что в социальных сетях режиссёру была оказана беспрецедентная поддержка? Порой даже создавалась видимость, что мнение пользователей интернета чуть ли не безраздельно на стороне режиссера – от тактичного сочувствия до категорического требования оградить право на свободу творчества от посягательств косного религиозного сознания невежественной и агрессивной толпы ретроградов.

Ради чистоты эксперимента в первой половине апреля 2015 года была опрошена новосибирская молодёжь, не связанная с музыкальным искусством и музыкальной критикой профессионально, точнее, студенты первого и второго курсов Сибирского государственного университета путей сообщения, всего 143 человека. Выборка достаточно репрезентативная для изучения мнения компактной, социально активной и технически продвинутой молодежной категории пользователей интернета как по числу респондентов (в масштабах крупного новосибирского вуза), так и в связи еще с одним обстоятельством, на которое в данной статье ранее уже было обращено внимание. Дело в том, что (за редчайшими исключениями) эти студенты не видели постановку «Тангейзер» и вообще во многих случаях даже не догадывались о существовании этой оперы, так что оказаться вовлеченными в конфликтную ситуацию респонденты могли, оценивая только факт появления некоего скандального спектакля, всколыхнувшего общество и интернет, но не более.

Итак, среди опрошенных 66 % осведомлены о скандале вокруг оперы «Тангейзер» и примерно 29 % знакомы с аргументацией как сторонников, так и противников постановки. При этом только 19 % поддерживают режиссера. В целом (с различными оговорками) считают недопустимым кощунство 75 % респондентов.

Мы попытались выяснить отношение опрошенных студентов к религии вообще. Получили следующие данные: большинство респондентов относит себя к православным (часть назвали себя христианами без уточнения), 91 % – крещёные. Присутствуют люди, относящие себя к буддистам (2 %), язычникам (2 %), а также атеистам (менее 1 %). 59 % считают, что Бог есть, из них 3 % не являются верующими. Также 3% считают, что они верующие, но в существование Бога не верят. Церковь не менее одного раза в месяц посещают всего около 7 % респондентов, не менее одного раза в год – 39 %, 28 % – изредка (скорее всего, бывали там 2 – 3 раза в жизни), 4 % (относящих себя к верующим!) – не были никогда. Зато в числе неверующих есть те (3 %), кто бывают в церкви не менее раза в месяц и 5 % посещающих ее не реже раза в год.

Одновременно с нашим опросом проводилось социологическое исследование Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) на ту же тему: как россияне оценивают постановку оперы «Тангейзер» в новосибирском театре, считают ли данную версию оскорбительной для себя.

Каждый третий (31 %) назвал ее святотатством, оскорблением религиозной святыни (люди пенсионного возраста и верующие чаще, нежели молодежь и атеисты), каждый десятый (12 %) – хулиганством или преступлением. Четверть опрошенных (24 %) считает данную постановку лишь самопиаром, попыткой прославиться. Только 14 % воспринимают кулябинский «Тангейзер» как акт современного искусства и творческой самореализации (среди 18 – 24-летних – 24 %).

«Половина респондентов (47 %) сочла данный образ [кощунственное изображение распятия, оскверняющее христианские святыни и символику – прим. авторов] оскорбительным для себя. В большей степени последователи православия (53 %) и те, кто хорошо осведомлены о произошедшем (58 %), нежели неверующие (19 %) и не слышавшие о данном инциденте (45 %). В свою очередь, 31 % участников опроса сказали, что их чувства затронуты не были» [7].

Надо учитывать, что даже среди тех, кто считает кощунство в художественном произведении вполне допустимым, нет людей, заявляющих о враждебном отношении к христианству. У многих в сознании странным образом уживаются вера в Бога (иногда даже некоторая воцерковлённость) с допущением нарушения Третьей Заповеди (впрочем, как и любой другой Заповеди, даже запрета на убийство, если иметь в виду аборт).

Вместе с тем в руководстве учреждениями искусства и СМИ встречаются деятели, вполне определенно придерживающиеся антихристианских установок. Правда, как показала история с новосибирской постановкой «Тангейзер», большинство из них отказывается открыто выражать свои действительные позиции. Но дела их красноречивее слов. В ход идут замалчивание интересных художественных событий православного и, шире, христианского содержания; уничтожение всего, что связано с традиционными ценностями (не обязательно церковными), интерпретация унаследованных культурных традиций как несовременных, отсталых и убогих; отталкивание или полное игнорирование предложений, связанных с утверждением христианских ценностей как якобы нарушающих толерантность в отношении к другим религиям и атеистическим взглядам; отеснение художественных работ, выражающих христианское и патриотическое содержание, к разряду аутсайдеров при конкурсном оценивании.

Конечно, обращение к православной или патриотической тематике вовсе не гарантирует, что автор непременно создаст шедевр. Речь в данном случае не о критериях оценки качества художественной продукции. Мы имеем в виду нечто более серьезное, а именно сформировавшуюся в нашем обществе отчетливую тенденцию, особенно рельефно прорывающуюся в пылу критических выпадов и аргументаций во время полемик, подобных дискуссии о новосибирском «Тангейзере». Вот как раз там чаще за элементарной недостаточностью аргументов в ход идет открытая ненависть, стремление во что бы то ни стало унизить и дискредитировать саму возможность опоры на христианские традиции, особенно в вопросах различения добра и зла. Этот опасный общественный феномен, конечно, требует глубокого исследования и столь же глубоко аргументированной нравственной оценки, которая сможет быть понята и принята большей частью российского общества.

События, произошедшие в Новосибирске в 2015 году, представляют характерный образчик духовного бурления в российском обществе. И, как оказалось, «сигнал» был услышан всеми. Не случайно так остро реагировали на происходящее многие видные политики, духовные лидеры крупнейших российских религиозных конфессий, деятели культуры, журналисты и простые граждане. Причем многим очевидно, что противостояние проходит часто не только и не столько между гражданами, а еще и внутри душ людей... Такой конфликт никогда и никому не удавалось разрешить походом «стенка на стенку» или, так сказать, демократическим способом, механически определив победителя простым большинством голосов. Индикатором успешности его разрешения служит отнюдь не учет мнений «за» и «против», а степень гражданского согласия членов общества, придерживающихся разных, подчас диаметрально противоположных взглядов. Но наиваж-

нейшим условием для достижения такого общественного согласия выступает требование соблюдать нормы общественной морали, то есть (в нашем случае) избегать кощунственных выпадов независимо от того, в чей адрес они направлены. Вот почему уста всякого кощунника должны быть сокрушены во имя сохранения подлинной толерантности и широкого общественного диалога, который один только и способен в современных условиях привести к гармонии и согласию всё наше разномыслие, сформировать общественную солидарность не по признаку «свой – чужой», а на основе признания и уважения наших общих корней, культурных традиций и единой исторической судьбы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лесовиченко, А. М. Кощунство как результат творческого бессилия / А. М. Лесовиченко. – Режим доступа: http://ma123.ru/load/citiseh_2_2015g/09_00_00_filosofskie_nauki/lisovichenko_a_m_koshhunstvo_kak_rezultat_tvo_rcheskogo_bessilija/12-1-0-63
2. Лесовиченко, А. М. Уроки новосибирского «Тангейзера» / А. М. Лесовиченко // Вестник КемГУКИ. – 2015. – № 4. – С. 64-70.
3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: Астрель-АСТ, 2004.
4. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1981.
5. Библия. – М.: Изд-во МП, 1983.
6. Полное собрание творений святителя Иоанна Златоуста. – СПб.: Изд-во СПбДА, 1896.
7. «Тангейзер»: искусство или кощунство // Опрос ВЦИОМ. – 12.04.2015. – Пресс-выпуск № 2813.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. – СПб.: Изд-во Н. С. Таганцева, 1889.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Опера Р. Вагнера «Тангейзер» была поставлена в Новосибирском государственном академическом театре оперы и балета в декабре 2014 года (режиссер Тимофей Кулябин).
2. По разным оценкам в митингах и гражданских протестах принимали участие до десяти тысяч человек.
3. К слову сказать, на рубеже XIX – XX веков в России кощунственные действия, «когда сие учинено не в церкви, но в публичном месте и при собрании более или менее многолюдном», виновный приговаривался к лишению всех прав и к ссылке на каторжную работу на срок от 6 до 8 лет (8, разд. 2, гл. 1, ст. 176).
4. Duxless (Россия, 2011 год) – фильм режиссера Романа Прыгунова.